

DOI: <http://dx.doi.org/10.21686/2411-118X-2021-3-76-83>

**Сравнительный анализ правоотношений по компенсации ущерба,
причиненного правомерными действиями государственных органов,
и обязательств, возникающих из причинения вреда
в состоянии крайней необходимости**

Н. А. Малышева

адъюнкт факультета подготовки научно-педагогических
и научных кадров Московского университета МВД России имени В. Я. Кикотя.
Адрес: ФГКОУ ВО «Московский университет Министерства внутренних дел
Российской Федерации имени В. Я. Кикотя»,
117997, Москва, улица Академика Волгина, д. 12.
E-mail: malysyna95@mail.ru

**Comparative Analysis of Legal Relations on Indemnification for Damage Caused
by Lawful Actions of State Bodies and Obligations Arising
from Causing Harm in a State of Extreme Necessity**

N. A. Malysheva

Adjunct of the Faculty for the Preparation of Scientific and Pedagogical and Scientific Personnel
of Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russian Federation named after V. Ya. Kikotya.
Address: Moscow University of the Ministry of Internal Affairs
of Russian Federation named after V. Ya. Kikotya,
12 Academician Volgin Street, Moscow, 117997, Russian Federation.
E-mail: malysyna95@mail.ru

Аннотация

Действующее гражданское законодательство регулирует правоотношения по компенсации ущерба, причиненного правомерными действиями государственных органов. Данные правоотношения имеют много общего с обязательствами, возникающими из причинения вреда в состоянии крайней необходимости. Автор отмечает необходимость разграничения указанных правоотношений, указывает на разнородность данных правовых конструкций. Предметом настоящего исследования выступают правовые нормы, образующие институт крайней необходимости в праве и регламентирующие порядок компенсации ущерба, причиненного правомерными действиями государственных органов. В исследовании автор использует общие и частные методы научного познания: анализ и синтез, индукцию и дедукцию, сравнение и аналогию. В статье впервые проведен сравнительный анализ правоотношений по компенсации ущерба, причиненного правомерными действиями государственных органов, и обязательств, возникающих из причинения вреда в состоянии крайней необходимости, что указывает на научную новизну проведенного исследования. Автор приходит к выводу, что в законодательстве существуют противоречия, влекущие последствия в виде смешения названных правовых явлений, и предлагает пути совершенствования законодательства.

Ключевые слова: гражданские правоотношения, возмещение вреда, чрезвычайные условия, обязательства вследствие причинения вреда, угроза, баланс интересов, социальное благо, обеспечение прав человека, доступ к правосудию, презумпция правомерности.

Abstract

The number of public relations regulated by civil legislation includes legal relations on compensation for damage caused by lawful actions of state bodies. These legal relations have much in common with obligations arising from causing harm in a state of extreme necessity. The author notes the need to distinguish these legal relations, points out the heterogeneity of these legal structures. The subject of this study is the legal norms that form the institution of extreme necessity in law and regulate the procedure for compensation for damage caused by lawful actions of state bodies. To solve these problems, the author uses general and specific methods of scientific knowledge:

analysis and synthesis, induction and deduction, comparison and analogy. The article presents for the first time a comparative analysis of legal relations on compensation for damage caused by lawful actions of state bodies and obligations arising from causing harm in a state of extreme necessity, which indicates the scientific novelty of the study. The author comes to the conclusion that there are contradictions in the legislation, entailing consequences in the form of a mixture of these legal phenomena, and suggests ways to improve the legislation.

Keywords: lawful actions, compensation for harm, emergency conditions, obligations due to harm, threat, balance of interests, social benefit, ensuring human rights, access to justice, presumption of legality.

Включение возможности компенсации ущерба, причиненного правомерными действиями государственных органов, в Гражданский кодекс Российской Федерации (ГК РФ) стало причиной многочисленных научных дискуссий. В данной статье поговорим о разграничении рассматриваемых правоотношений от обязательств, возникающих из причинения вреда в состоянии крайней необходимости.

На первый взгляд обозначенные правоотношения имеют много общего. Но если их сопоставить, то становится ясно, что положения статей 16.1 и 1067 ГК РФ регулируют абсолютно разные виды правоотношений. Поэтому вопрос разграничения указанных групп правоотношений является принципиально важным, их смешение ведет к неправильному применению норм материального права.

Конституция Российской Федерации позволяет гражданам самостоятельно защищать свои права и свободы способами, не запрещенными законом¹. На основании этого ГК РФ допускает самозащиту гражданских прав способами, соразмерными их нарушению. Крайняя необходимость выступает одной из форм самозащиты гражданских прав и возникает тогда, когда нужно устранить опасность, угрожающую самому причинителю вреда или другим лицам, если эту опасность при данных обстоятельствах невозможно устранить иными средствами. Действуя в таких ситуациях, лицо может причинить вред здоровью или имуществу граждан, поэтому крайняя необходимость порождается коллизией двух правоохраняемых интересов [4. – С. 44–47]. Для восстановления баланса интересов законодатель предусмотрел возможность возмещения вреда, причиненного в состоянии крайней необходимости.

Наряду с этим причинение вреда правомерными действиями должностных лиц также обусловлено столкновением интересов: во имя спа-

сения более значимого интереса нарушаются менее значимые интересы в определенной обстановке. Правоотношения по компенсации причиненного ущерба правомерными действиями государственных органов могут быть сгенерированы, например, действиями Вооруженных сил Российской Федерации при пресечении террористического акта, либо при изъятии земельного участка для государственных или муниципальных нужд. Важно, чтобы возможность компенсации причиненного ущерба была закреплена законом.

Говоря о правоотношениях, регулируемых статьей 16.1 ГК РФ, не вызывает сомнений тот факт, что такие правоотношения возникают в результате только правомерных действий. Законом прямо предусмотрено, что компенсации подлежит ущерб, причиненный *правомерными* действиями государственных органов и органов местного самоуправления, чего нельзя сказать об обязательствах, возникающих вследствие причинения вреда в состоянии крайней необходимости. В статье 1067 ГК РФ не указано на правомерное условие возникновения данных правоотношений, притом что в классической доктрине гражданского права вред, причиненный в состоянии крайней необходимости, считается правомерным² [7. – С. 170]. Такое положение выстроено по аналогии с теорией уголовного права, где причинение вреда в состоянии крайней необходимости относится к условиям, исключающим преступность деяния. На сегодняшний день институт крайней необходимости носит межотраслевой характер, но это не значит, что свободно можно переносить правила регулирования отрасли публичного права в сферу частных правоотношений. Особенности предмета и метода правового регулирования предполагают специфику проявления института в той или иной отрасли права.

¹ Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г. с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 1 июля

2020 г.) – URL: <http://www.consultant.ru> (дата обращения: 24.12.2020).

² Гражданское право : учебник ; в 2 т / под ред. Б. М. Гонгало. – 2-е изд. перераб. и доп. – Т. 2. – М. : Статут, 2017. – С. 508.

В уголовно-правовом и гражданско-правовом аспекте крайняя необходимость освобождает лицо от юридической ответственности, т. е. от карательного воздействия. Как справедливо отмечают Е. В. Алферова и А. П. Москалец, «если уголовное право ставит на этом точку и отпускает лицо, которое действовало в состоянии крайней необходимости, то гражданское право имеет дело с неблагоприятными имущественными последствиями этого деяния» [1. – С. 23]. Для гражданского права важно реализовать восстановительную функцию путем определения лица, обязанного возместить негативные последствия. Указанная позиция максимально точно описывает соотношение института крайней необходимости в уголовном и гражданском праве.

В уголовном праве состояние крайней необходимости относится к одному из обстоятельств, исключающих преступность деяния, поэтому при его наличии лицо освобождается от любых юридических последствий. Это обусловлено тем фактом, что причинение вреда в состоянии крайней необходимости лишено главного признака преступления – общественной опасности, поскольку такие действия полезны для общества и морально оправданы. В свою очередь А. Н. Трайнин признавал данные действия правомерными, но общественно опасными [8. – С. 328]. По мнению автора, социально полезные действия не могут быть общественно опасными, поскольку положительно влияют на общественный порядок, что обусловлено жертвованием менее значимым благом. Такие действия направлены на минимизацию ущерба, а потому находят поддержку со стороны закона.

Столкнувшись с ситуацией крайней необходимости, лицо осознает наличие угрозы, избежать последствия которой можно только путем причинения вреда. Однако избежать негативных последствий не всегда возможно, поскольку причиняется вред менее значимым интересам.

Уголовный кодекс указывает, что причинение вреда в состоянии крайней необходимости не является преступлением. Поэтому такое поведение является правомерным и исключает наступление ответственности в случае соблюдения условий правомерности, т. е. если не нарушаются пределы крайней необходимости. Расставляя акценты

между правомерным поведением и его пределами, автор отмечает, что в первую очередь состояние крайней необходимости исключает преступность деяния, и только во вторую – допускает наступление уголовно-правовой ответственности. Исходя из этого следует, что причинение вреда в состоянии крайней необходимости в уголовном праве относится к числу правомерного поведения.

Как было определено выше, содержание понятия состояния крайней необходимости в гражданском праве раскрывается частично.

Гражданско-правовая сторона комплексного института крайней необходимости охватывает вопросы возмещения причиненного вреда, поэтому пределы правомерности вреда раскрываются в публичном праве. Особенностью отрасли гражданского права является его возмещающая, а не карательная направленность. Это обусловлено спецификой предмета гражданского права, к которому относятся имущественные отношения. Из анализа статьи 1067 ГК РФ следует, что по общему правилу вред, причиненный в состоянии крайней необходимости, подлежит возмещению. При этом между участниками возникают обязательственные правоотношения из причиненного вреда. И только суд исходя из обстоятельств при разрешении вопроса о причинении вреда в состоянии крайней необходимости может принять одно из следующих решений:

1) освободить причинителя вреда от возмещения вреда и возложить эту обязанность на лицо, в интересах которого действовал причинитель вреда;

2) уменьшить размер подлежащего возмещению вреда;

3) освободить от обязанности по возмещению вреда как причинителя вреда, так и лицо, в интересах которого он действовал¹.

При рассмотрении дела судом устанавливается правомерность или неправомерность действий, совершенных в условиях крайней необходимости. Только суд вправе освободить причинителя вреда от возмещения вреда. Однако изначально к возникшим обязательствам применим принцип генерального деликта, согласно которому причиненный вред считается противоправным, а причинитель вреда обязан его возместить.

¹ Внедоговорные охранительные обязательства = Non-Contractual Enforcement Obligations : учебное пособие / под ред. А. В. Головизнина. – М. : Юстицинформ, 2015. – С. 76.

На основании этого можно заключить, что состояние крайней необходимости в гражданском праве не предполагает безусловного освобождения причинителя вреда от возмещения. Состояние крайней необходимости в первую очередь подразумевает возмещение причиненного вреда, и лишь во вторую очередь лицо может быть освобождено от обязанности по возмещению вреда.

Кроме того, действия по причинению вреда в состоянии крайней необходимости нельзя презюмировать правомерными, таковыми их может признать только суд. В данном случае нельзя предполагать изначальную правомерность действий, как в случаях, предусмотренных статьей 16.1 ГК РФ.

Действия, генерирующие правоотношения, предусмотренные статьей 16.1 ГК РФ, напротив, предполагаются правомерными в силу того, что государство наделяет органы государственной власти правом на причинение вреда в целях достижения социального блага в определенных случаях. Зачастую при реализации служебной деятельности должностные лица государственных органов вынуждены прибегнуть к крайним мерам, действуя при этом в рамках закона, что вызвано спецификой их работы. Действуя в экстремальной ситуации, должностные лица государственных органов выполняют служебные обязанности, руководствуясь должностными инструкциями (регламентами), которые в свою очередь основаны на законе. Сталкиваясь с опасностью, представители государственных органов, так же как и в случаях крайней необходимости, пытаются избежать негативных последствий, что не всегда возможно. В определенных случаях представители власти вынуждены реализовать свое право на причинение вреда. Такое право является особенностью профессионального статуса должностных лиц государственных органов. Случаи возможности причинения вреда государственными органами строго определены законом, в связи с чем нельзя смешивать такие ситуации с состоянием крайней необходимости.

Закрепляя положение, позволяющее государственному органу причинить вред правоохраняемым интересам, законодатель заранее определяет поведение субъектов причинения вреда при

возникновении конкретных ситуаций и соглашается с возможными негативными последствиями. Поэтому можно констатировать некую предсказуемость возникновения правоотношений, предусмотренных статьей 16.1 ГК РФ. Так, в пункте 13 абзаца 2 статьи 30 Закона «О государственной границе Российской Федерации» сказано о том, что пограничные органы могут использовать транспортные средства, принадлежащие предприятиям, учреждениям, организациям, общественным объединениям, и в необходимых случаях – гражданам¹. Указанный закон называет конкретные случаи реализации данного права: для отражения вооруженных вторжений на территорию Российской Федерации, воспрепятствования незаконным массовым пересечениями государственной границы, проведения поисковых мероприятий, доставления лиц, подозреваемых в совершении правонарушений. Закон заранее определяет ситуации, при которых сотрудники могут воспользоваться правом на причинение вреда. Наличие и действительность перечисленных случаев позволяют сотрудникам пограничных органов использовать транспортные средства организаций в служебных целях с причинением вреда. При этом наличие в каждом конкретном случае обстоятельств, указанных в законе, будет охватываться признаком правомерности действий, а не условием крайней необходимости, чего нельзя сказать о возникновении обязательств, возникающих из причинения вреда в условиях крайней необходимости.

Само понятие «ситуация крайней необходимости» охватывает очень широкий спектр возможного поведения субъектов причинения вреда, поэтому невозможно описать в законе каждую конкретную ситуацию. Опасность может исходить как от сил природы, так и от животных, от неисправных механизмов, от физиологических экстремальных ситуаций и других явлений. Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 26 января 2010 г. № 1 «О применении судами гражданского законодательства, регулирующего отношения по обязательствам вследствие причинения вреда жизни или здоровью гражданина» связывает возникновение таких условий лишь

¹ Закон Российской Федерации от 1 апреля 1993 г. № 4730-1 «О Государственной границе Российской Федерации» (ред. от 27 декабря 2019 г.). – URL: <http://www.consultant.ru> (дата обращения 28.12.2020).

фразой «в целях устранения опасности»¹. Приведенная позиция Пленума Верховного Суда Российской Федерации представляется нам удачным и лаконичным решением объемного вопроса, так как характер возникшей опасности может быть различным и трудно определить четкие очертания для его описания.

При уяснении признаков рассматриваемых групп правоотношений следует помнить, что институт крайней необходимости представляет собой один из способов самозащиты прав граждан. Право на причинение вреда в состоянии крайней необходимости является субъективным правом каждого гражданина, поэтому субъектом причинения вреда может выступать любой гражданин независимо от наличия или отсутствия у него профессиональных навыков и умений. Право на самозащиту предусмотрено частью 2 статьи 45 Конституции Российской Федерации, поэтому причинение вреда в состоянии крайней необходимости выступает его частным случаем. В связи с этим представляется неверным рассматривать действия сотрудников полиции и других правоохранительных органов в состоянии крайней необходимости в качестве их правовых обязанностей [6. – С. 27]. Как уже было отмечено выше, закон не регулирует ситуации крайней необходимости, поэтому действия в состоянии крайней необходимости необоснованно называть профессиональной обязанностью. Профессиональные обязанности сотрудников государственных органов характеризуются четкой регламентацией их служебной деятельности, особенно в сфере правоохранительных органов. Это обусловлено спецификой выполняемых государственными органами функций, которые обеспечивают права и свободы граждан, а также властным характером их полномочий. В связи с этим автор считает более верным рассматривать совершение социально полезных действий в условиях крайней необходимости в качестве проявления активной гражданской позиции.

По утверждению Е. М. Гинц, правоотношения по компенсации ущерба вызваны чрезвычайной ситуацией, аналогичной условиям крайней необходимости. Аргументируя различия между рассматриваемыми правоотношениями, Е. М. Гинц находит возможность их разграничения в степени

противодействия угрожающей ситуации. В результате она приходит к выводу, что статьи 16.1 и 1067 ГК РФ имеют общий объект правового регулирования, в связи с чем причинение вреда, причиненного в условиях крайней необходимости, влечет возникновение правоотношений, предусмотренных статьей 16.1 ГК РФ, которая в свою очередь подлежит применению с учетом статьи 1067 ГК РФ [3. – С. 83–84].

Несмотря на явное наличие общих признаков правоотношений, предусмотренных статьями 16.1 и 1067 ГК РФ, их смешение, а тем более отождествление непозволительно для правоприменителя. Данные нормы права обеспечивают возможность лицу, которому был причинен вред, защитить свои права. Безусловно, данные правоотношения объединяет признак чрезвычайности ситуации, в условиях которой причиняется вред. Вместе с тем правовые нормы, предусматривающие возможность причинения вреда государственными органами, изначально содержат в себе элемент крайности ситуации, т. е. заранее предполагают наличие определенной опасности в этих ситуациях. Право на причинение вреда государственными органами обусловлено риском и опасностью реализуемой ими деятельности, в связи с чем санкционирование данного права априори является для государства крайней необходимостью. Иными словами, государство вынуждено наделить государственные органы полномочиями на причинение вреда для обеспечения прав и свобод граждан. Однако такие случаи носят единичный, исключительный характер и сопряжены с деятельностью конкретного государственного органа или должностного лица, в отличие от ситуаций крайней необходимости. Из вышеизложенного следует, что компенсировать такой ущерб необходимо на основании статьи 16.1 ГК РФ и специальной правовой нормы, дающей право причинять вред и обеспечивающей условие правомерности.

Такого же мнения придерживается и О. С. Черепанова, которая полагает, что обладание правом на причинение правомерного вреда является выполнением профессиональных функций государственных органов, а потому не должно охватываться условиями крайней необходимости [9. – С. 122–126]. Так, Федеральный закон «О пожарной

¹ Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 26 января 2010 г. № 1 «О применении судами гражданского законодательства, регулирующего отношения по обязательствам вследствие причинения вреда жизни или

здоровью гражданина». – URL: <http://www.consultant.ru> (дата обращения: 15.09.2020).

безопасности» от 21 декабря 1994 г. № 69-ФЗ (далее – Закон) регулирует деятельность органов федеральной противопожарной службы (ФПС), поэтому сотрудники ФПС решают служебные задачи, руководствуясь его нормами, а не нормами УК РФ или ГК РФ. Для успешного тушения пожаров и проведения аварийно-спасательных работ Закон допускает, чтобы сотрудники подразделений пожарной охраны могли проникать в места распространения опасных факторов пожара; создавать условия, препятствующие распространению пожаров; использовать средства связи, транспорт, оборудование собственника; приостанавливать деятельность организаций в зоне пожара и т. д.¹ Из указанных положений Закона очевидно, что деятельность ФПС связана с чрезвычайными обстоятельствами, описание которых не подлежит закреплению в тексте законодательства в силу их непредсказуемости. Поэтому причинение вреда в таких ситуациях охватывается понятием крайней необходимости. Важно отметить, что личный состав пожарной охраны, действовавший в условиях крайней необходимости, освобождается от возмещения причиненного ущерба, что также подтверждает отсутствие возможности обратиться к норме статьи 16.1 ГК РФ. Здесь же следует вспомнить общее правило, установленное статьей 1067 ГК РФ, согласно которому лицо, причинившее вред в условиях крайней необходимости, обязано возместить вред. Налицо противоречие специальной и общей норм права.

Таким образом, мы усматриваем два вида противоречий, существующих между нормами специального законодательства и положениями ГК РФ:

1. Для первого вида коллизии характерно наличие в норме специального законодательства права на причинение вреда и указание на возможность компенсации причиненного ущерба. В таком случае нет специального условия возникновения правоотношений в виде ситуации крайней необходимости. Классическим примером выступает норма, закрепленная в части 2 статьи 18 Федерального закона «О противодействии терроризму», в соответствии с которой, вред, причиненный при пресечении террористического акта правомерными действиями, возмещается за счет средств федерального бюджета в установленном

Правительством Российской Федерации порядке². Норма содержит признак правомерности действий и закрепляет возможность возмещения причиненного вреда. Вместе с тем из положений закона не вытекает, что такие действия совершены в условиях крайней необходимости. В этом случае компенсировать причиненный ущерб необходимо на основании статьи 16.1. Интересной представляется позиция Е. В. Кармановой, по мнению которой вред, причиненный правомерными действиями при пресечении контртеррористической операции, должен возмещаться по правилам крайней необходимости [5. – С. 159]. Однако если руководствоваться правилами крайней необходимости при решении каждого вопроса о возмещении правомерно причиненного вреда, то статья 16.1 ГК РФ будет «лишней нормой» в ГК РФ. При подобном решении вопроса существование данной нормы абсолютно нецелесообразно, так как все случаи причинения вреда правомерными действиями можно подвести к случаям крайней необходимости.

2. Второй вид противоречий характеризуется наличием указаний в тексте закона на условия возникновения правоотношений в виде крайней необходимости и положения на невозможность возмещения причиненного вреда. Наличие такого противоречия связано с несовершенством механизма правового регулирования и негативно сказывается на защите прав граждан и юридических лиц.

Указанные группы противоречий, по нашему мнению, – результат отсутствия понимания существования разных видов правоотношений, а также отсутствия эффективного механизма реализации прав граждан на компенсацию ущерба, причиненного правомерными действиями государственных органов.

Вместе с тем нельзя полностью нивелировать значение института крайней необходимости в профессиональной деятельности государственных органов. На сегодняшний день закон строго ограничивает случаи причинения вреда правомерными действиями государственных органов. Институт крайней необходимости охватывает максимально широкий круг обстоятельств, угрожающих жизни и здоровью, который значительно больше случаев компенсации ущерба. Было бы неверным лишать должностных лиц права на самозащиту.

¹ Федеральный закон «О пожарной безопасности» от 21 декабря 1994 г. № 69-ФЗ (последняя редакция). – URL: <http://www.consultant.ru> (дата обращения: 04.09.2020).

² Федеральный закон от 6 марта 2006 г. № 35-ФЗ «О противодействии терроризму» (ред. от 18 марта 2020 г.) – URL: <http://www.consultant.ru> (дата обращения: 12.09.2020).

Должностные лица в первую очередь являются обычными гражданами, а потому вправе реализовывать свои конституционные права. Однако представители государственных органов сталкиваются с ситуациями крайней необходимости в силу служебных обязанностей. Ввиду этого закон освобождает их от ответственности в виде возмещения вреда.

Законодательство должно обладать таким механизмом реализации прав, чтобы граждане, перенесшие негативные последствия от правомерных действий со стороны государства, могли также принужденно компенсировать ущерб, каким принужденным образом он и был причинен. Только при наличии такого механизма статья 16.1 ГК РФ обретет смысл: государство добровольно предоставляет гражданам возможность компенсировать ущерб, без причинения которого его деятельность лишается эффективности. Гармоничное сочетание интересов, по сути, является основной проблемой права, а его достижение обеспечивается различными средствами [2. – С. 186]. В данном случае средством достижения баланса интересов могут выступать согласованные нормы законодательства. Создаваемые в стране условия взаимного доверия государства и общества, предусмотренные статьей 75.1 Конституции Российской Федерации, не могут быть реальными без создания соответствующей правовой базы. Включение же статьи 16.1 ГК РФ в текст ГК РФ способствует положительному восприятию гражданами деятельности законодателя и активизирует их правовую сознательность. В связи с этим правовая база государства должна отвечать требованиям времени.

По мнению автора эффективности реализации положений статьи 16.1 ГК РФ способствовало бы принятие Постановления Правительства Российской Федерации «Порядок компенсации ущерба, причиненного правомерными действиями государственных органов, органов местного самоуправления или должностных лиц этих органов, а также иных лиц, которым государством делегированы властные полномочия». Постановление должно содержать перечень случаев причинения

вреда правомерными действиями государственных органов, подлежащих компенсации, так как на сегодняшний день ни нормы ГК РФ, ни федерального законодательства не содержат указание на то, в каких случаях ущерб, причиненный правомерными действиями государственных органов, подлежит компенсации. Указанное обстоятельство существенно затрудняет доступ граждан к правосудию. В основу такого Постановления должны лечь положения Постановления Правительства Российской Федерации от 13 октября 2008 г. № 750 «О порядке выделения бюджетных ассигнований из резервного фонда Правительства Российской Федерации по предупреждению и ликвидации чрезвычайных ситуаций и последствий стихийных бедствий»¹ путем метода поглощения. В этом же Постановлении разумным было бы прописать процедуру компенсации причиненного ущерба, поскольку в действующем ГК РФ порядку возмещения посвящена лишь часть 3 статьи 1064 ГК РФ.

Стоит отметить, что рассматриваемые группы правоотношений отличаются не только по субъекту причинения вреда, но и по стороне, ответственной за причинение вреда. В случаях правомерного причинения вреда государственными органами ответственной стороной выступает государство в лице Министерства финансов, т. е. фактический причинитель вреда, которым выступает должностное лицо, не совпадает с ответчиком. Если же вред причинен в ситуации крайней необходимости, правоотношения вследствие причинения вреда могут складываться как между потерпевшим и причинителем вреда, так и между потерпевшим и третьим лицом, в интересах которого действовало лицо, причинившее вред.

Таким образом, можно заключить, что правоотношения по компенсации ущерба, причиненного правомерными действиями государственных органов, – это специфическая группа гражданских правоотношений, ранее известная гражданскому праву лишь в единичных проявлениях. Статьи 16.1 и 1067 ГК РФ имеют разные условия возникновения и относятся к разным правовым конструкциям. Разграничивать данные группы правоотно-

¹ Постановление Правительства Российской Федерации от 13 октября 2008 г. № 750 «О порядке выделения бюджетных ассигнований из резервного фонда Правительства Российской Федерации по предупреждению и ликвидации чрезвычайных ситуаций и последствий стихийных бедствий (вместе с «Правилами выделения бюджетных ассигнований из

резервного фонда Правительства Российской Федерации по предупреждению и ликвидации чрезвычайных ситуаций и последствий стихийных бедствий») (ред. от 17 августа 2010 г.) // Российская газета. – 2008. – № 220.

шений очень важно с методологической точки зрения. Только зная юридическую природу правоотношения, можно найти общую логику разрешения гражданских дел определенной категории. При возникновении правоотношений по компенсации

ущерба, причиненного правомерными действиями государственных органов, необходимо руководствоваться статьей 16.1 и специальной правовой нормой. Ссылка на статью 1067 ГК РФ недопустима, поскольку в данном случае происходит смешение разных правовых конструкций.

Список литературы

1. Алферова Е. В., Москалец А. П. Обязательства вследствие причинения вреда // Серия «Правовые знания» – Вып. 7. – М. : ВНИИ ГОЧС. 2000.
2. Булавский Б. А. Влияние интеграционных процессов на развитие частного права // Поиск баланса частных и публичных интересов в решениях международных и национальных судов : материалы Международной научно-практической конференции, Москва – Суздаль, 4–6 июня 2012 г. / ред. Т. Н. Нешатаева, С. С. Сафронова, А. В. Попова. – М. : Российская академия правосудия, 2013.
3. Гинц Е. М. Возмещение вреда, причиненного правомерными действиями государственных органов : дисс. ... канд. юридич. наук. – М., 2014.
4. Зайцева Т. С. Вопросы юридической оценки действий, совершенных в состоянии крайней необходимости // Проблемы современной науки и образования. – 2017. – № 31 (113). – С. 44–47.
5. Карманова Е. В. Обязательства вследствие причинения вреда правомерными действиями в российском гражданском праве : дисс. ... канд. юридич. наук. – М., 2012.
6. Комментарий к Уголовному кодексу РСФСР / под ред. В. И. Радченко. – М., 1994.
7. Садиков О. Н. Убытки в гражданском праве Российской Федерации. – М. : Статут, 2009.
8. Трайнин А. Н. Общее учение о составе преступления. – М., 1957.
9. Черепанова О. С. Возмещение и компенсация вреда, причиненного правомерными действиями правоохранительных органов // Алтайский юридический вестник. – 2016. – № 1 (13). – С. 122–126.